

**ТОПОС УГРОЗЫ И ТОПОС СПАСИТЕЛЯ
КАК БАЗОВЫЕ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ДИПЛОМАТИИ**

Кондакова Мария Ильинична

Государственное автономное образовательное учреждение города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей и имплицитных мотивов употребления *топосов угрозы* и *спасителя* в современном публичном дискурсе дипломатии, в развитии которого сегодня намечаются новые тенденции, нуждающиеся в изучении. Обсуждается положение, что данные *топосы* представляют собой устоявшийся аргументационный комплекс, необходимый для достижения главных целей дипломатической коммуникации – защиты государственных интересов и борьбы за власть. Анализируются такие черты дипломатического дискурса, как постоянная эксплуатация политического мифа о враге и способность взаимодействовать с медиапространством, которые, по мнению автора, создают условия, важные для успешной реализации *топосов*.

Выдвигается предположение, что *топосы угрозы* и *спасителя* следует рассматривать как производные речевой стратегии агрессии, ставшей знаковым явлением в дипломатической риторике XXI века. Оцениваются возможности использования методов дискурсивно-исторического подхода в ходе исследования воздействующего потенциала *топосов* в рамках психолингвистической парадигмы. Выявляются специфические функции каждого *топоса*, значимые для решений поставленных перед дипломатом задач. На материале выступлений российских и американских дипломатов демонстрируются особенности функционирования *топосов*, выявляются общие черты, фиксируется специфический контекст, совокупность которых способствует достижению дипломатических целей. Доказывается, что склонность к агрессии, являясь существенным отклонением от традиционной дипломатической коммуникации, может расцениваться как индикатор изменений политического и социального характера. Делается вывод, что совместное употребление *топосов угрозы* и *спасителя* обладает потенциалом для внесения изменений в образ мира реципиента.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, речевая агрессия, аргументационные схемы, топос угрозы, топос спасителя, миф, образ мира.

Введение

Сегодня, в период глобальных политических и социальных перемен, исследование феноменов, возникающих в сфере международных отношений, безусловно,

заслуживает особого внимания и представляется как возможность уловить новые явления в языке, отражающие динамично меняющуюся реальность, или получить иной угол обзора на уже изученное ранее. В частности, одним из приоритетов становится изучение языка дипломатии, который, обладая способностью задавать траекторию общественному мнению, остается движущей силой многих процессов и одним из ведущих инструментов в борьбе за власть [Бубнова, Терентий 2012].

Направленный на достижение этой цели, ранее имплицитной, а теперь – выраженной напрямую, язык дипломатии стабильно выходит за установленные рамки. Неизбежно бросаются в глаза простота и небрежность речи, отказ от построения конструктивного диалога и от свойственного ранее рационального начала, с последующим сдвигом в сторону эмоциональных оценок, что позволяет нарушать психоэмоциональный баланс не только своих собеседников, но и, опосредованно, широкой аудитории.

В качестве ключевого признака современного дискурса дипломатии выступает стратегия агрессии [Бубнова 2021; Бубнова, Кондакова 2021], которая, будучи речевым аналогом применения физической силы, определяет противников на международной арене и подогревает состояние соперничества между ними. Изучение речевой агрессии как абсолютно несвойственного для классической дипломатии феномена в психолингвистической парадигме при помощи психолингвистических методик позволяет «выявлять внутреннее содержание агрессивных текстов, их координаты в семантическом пространстве, оценивать глубину их воздействия на сознание адресата, прежде всего, сознание обычных людей, специфику интерпретаций намерений авторов и задаваемой текстами программы деятельности разными группами реципиентов» [Бубнова 2021: 38]. При этом неизбежно встает вопрос о совместимости агрессивной риторики и успешной аргументации, которая является постоянным компонентом в поиске компромиссного решения проблемы, и этот факт заставляет обратить внимание на *топосы* – аргументационные схемы [Водак 2018], выражающие, в том числе, разные проявления защиты государственных интересов и борьбы за власть: борьбы против противника, переданной в *топосе угрозы*, и борьбы за доминирование на международной арене, оформленной в *топосе спасителя*.

Топос угрозы и топос спасителя в современной дипломатии как пути к достижению поставленных целей

Прежде всего, необходимо задаться вопросом, что обеспечивает успех употребления данных *топосов* в дипломатической речи. Мы полагаем, что ответ на этот вопрос кроется в двух условиях, соблюдение которых принципиально важно: способности современного дискурса дипломатии к слиянию с другими типами дискурса и опоре на политическую мифологию.

Первым фактором выступает важнейшее свойство современного дискурса дипломатии – его способность встраиваться в дискурсивные пространства другого типа [Голованова 2014]. Принципиально важным этот тезис представляется в случае с медиадискурсом, так как именно через него происходит передача сообщения от дипломатического агента к непрофессиональной части аудитории, практически воспроизводя стандартную формулу пропаганды, которую Э. Бернейс описывал как «установление взаимопонимания между человеком и группой при помощи

средств коммуникации» [Бернейс 2010: 157]. Результатом этого процесса становится частичная, истолкованная в нужном направлении реконструкция реальных событий, происходящих на международной арене. Тем самым публичная дипломатия, по сути, достигает своей непосредственной цели – осуществляет воздействие на адресата, регулируя общественное одобрение и осуждение в отношении государственного руководства [Wiethoff 1981].

Значимым также является тот факт, что при потреблении информации из СМИ, человек подвергает ее сначала эмоциональной обработке и лишь потом рациональной, что во многом определяет успех речевой стратегии агрессии [Бернейс 2010; Изард 1999]. Особенно это актуально для воздействия на групповое сознание, в результате которого масса реагирует на побуждение в основном импульсивно и действует необдуманно [Лебон 2017; Назаретян 2005].

Второй фактор, обеспечивающий успех изучаемых нами *топосов*, состоит в их согласованности с мифом о враге, константным как для отечественной, так и мировой политической мифологии [Поцепцов 2002]. Миф как инструмент интерпретации действительности, особенно актуальный для кризисных политических и социальных ситуаций, в не меньшей степени способен влиять на порядок вещей в обществе, определять формы поведения [Барт 1996; Шейгал 2000]. Прочно укоренившись в массовом сознании, миф способен сохранить память о врагах (как реальных, так и символических, активно конструируемых СМИ), имевших место в истории страны, или разлить в обществе ненависть к новому врагу или страх перед ним же, обосновывая необходимость в появлении «спасителей».

В сущности, миф становится фундаментом, на который ложится информация о надвигающейся угрозе. Стоит отметить, что отечественная политическая мифология насчитывает достаточно большое количество врагов, и появление каждого раз за разом «подпитывает» этот миф, а вместе с ним и идею постоянной борьбы. Можно предположить, что так реализуется намерение укрепить статус спасителя и представить «спасение» как попытку сработать на опережение.

Таким образом, угроза, о которой говорит дипломат, успешно синхронизируется с той, которая уже существует в массовом сознании. И здесь необходимо еще раз вернуться к вопросу о роли СМИ в работе дипломата. Важно уточнить, что медиaprостранство непосредственно влияет на скорость и качество этого процесса: попадая в него, образ врага начинает тиражироваться, обрастать деталями и обретать отчетливые и пугающие массовую аудиторию черты, становясь все более устойчивым и узнаваемым [Бернейс, 2010; Почепцов, 2001].

Специфика функционирования топосов угрозы и спасителя в публичном дискурсе дипломатии

Чтобы убедить аудиторию в том, что враг реален и угроза неминуема, дипломат при построении речи прежде всего должен грамотно выстроить аргументацию. Как отмечает Р. Водак, центральное место в анализе аргументов, кажущихся убедительными, занимает *топос* [Wodak, 2010].

Суммируя характеристики этого явления, обнаруженные в изученной литературе, можно сказать, что *топос* как лингвистическое средство представляет собой аргументационный шаблон, используемый для раскрытия обозначенной темы и реализации речевых стратегий.

Вслед за Р. Водак мы полагаем, что *топосы* следует различать, исходя из формы и содержания [Водак, 2018]. Формальные *топосы*, представляющие собой устоявшиеся схемы аргументов, обеспечивают обрамление и логическое построение речи, помогают обозначить заложенную идею. К таким *топосам* могут быть отнесены *топос определения*, *топос аналогии*, *топос противоположностей* и другие. В то же время *топосы*, связанные с содержанием, указывают путь развития определенного аргумента, например, *топос народа* или *топос истории* [Zaga, 2010: 6]. Для нашей работы представляет интерес именно вторая категория, так как успешность дипломатической речи непосредственно связана с ее содержанием.

Очевидно, что в ходе составления речи *топосы* оказываются в непосредственной связи и взаимовлиянии, пересекаются и дополняют друг друга. При этом специфический набор *топосов* определяется исходя из идеи, заложенной в речь. Так, вопрос о защите международных интересов, характерный для дипломатического общения, лучше всего раскрывается через *топосы угрозы и спасителя*.

В этой связи необходимо подробнее рассмотреть каждый *топос*. Как уже было сказано ранее, *топос* подразумевает наличие схемы. Схему *топоса* угрозы Р. Водак обозначает следующим образом: «Если существуют конкретные опасности или угрозы, то во их избежание следует что-то сделать» [Водак, 2018: 117]. В дискурсивном пространстве дипломатии России и США подобная формула встречается регулярно, что ярко подтверждается выступлениями дипломатов о современной ситуации в мире, связанной со специальной военной операцией, анализ которых дается далее.

Мы допускаем, что, встроившись в дипломатическую коммуникацию, *топос угрозы* выполняет три основные функции:

- подготавливает аудиторию к новым событиям в международной деятельности государства; причем масштаб этих событий может либо оказаться прямо пропорционален уровню угрозы, либо быть специально сконструированным, хотя в действительности угроза или произошедшее событие не имели того значения, которое им приписывалось дипломатом, политиком и СМК [Бодрийяр, 2016];
- публично назначает виновника грядущих событий и досрочно возлагает на него ответственность за все потенциальные последствия;
- заранее оправдывает действия государственного руководства, причем даже самые жестокие, аморальные и неправомерные.

Следом за признанием угрозы происходит поиск того, кто способен ее нейтрализовать. Коммуникативная задача дипломата в этот момент сводится к тому, чтобы наиболее четко обозначить готовность страны защищать свой народ и государственные территории, помогать дружественным государствам в этом вопросе.

Так, в дипломатическом дискурсе начинает фигурировать *топос спасителя*. Р. Водак предлагает обозначить его такой схемой: «Если из-за X ожидается опасность, и если А спас нас в прошлом, то А сможет спасти нас снова» [Водак, 2018: 117]. Такая формула одинаково часто используется и российскими, и американскими дипломатами. Российская сторона закрепила за собой статус освободителя мира от фашизма, так как однажды уже смогла победить страну с таким политическим режимом. В то же время американская сторона продолжит считать себя защитником мира от российской агрессии, поскольку одержала победу в Холодной войне.

В свою очередь *топос спасителя* также решает несколько задач:

- определяет горизонт планирования новых международных целей;

- переводит фокус общественного внимания на руководство конкретной страны и показывает его в выгодном свете, наделяет благородными мотивами;
- подчеркивает символическое положение страны-победителя и призывает наделить ее привилегиями, в том числе бессрочным правом наказывать и награждать других; непосредственно наказание может пониматься и как нечто материальное, например, экономические санкции, и как символическое – создание негативного имиджа страны-оппонента;
- регулирует партнерские отношения между «спасителем» и рядом стран, в перспективе расширяя зону влияния «спасителя».

Итак, можно сказать, что *топосы угрозы и спасителя* в дипломатическом общении представляют собой значимый феномен в публичном дискурсе дипломатии, что позволяет рассматривать их как часть механизма воздействия.

На наш взгляд, их особенность как инструмента воздействия состоит в том, что они способны располагаться во временном измерении. *Топос угрозы* позволяет смоделировать перспективу, потенциальное нежелательное будущее, в котором противник может обрести небывалую силу и власть. В свою очередь, *топос спасителя* одинаково и ретроспективен, поскольку будет опираться на прецедент прошлого, в котором однажды уже удалось избежать опасности благодаря определенному способу действия, и перспективен, так как создает проекцию из прошлого в настоящее или будущее.

Такие вводные данные, отсылающие к вариациям прошлого и будущего, позволят руководству государств убедить аудиторию в необходимости самых решительных действий в настоящем.

Дискуссия

В рамках выбранной нами аргументации, когда методы дискурсивно-исторического используются в исследовании дипломатического дискурса в рамках психолингвистики, анализ текста направлен на то, чтобы проследить, какие очертания и вектор развития получают *топосы угрозы и спасителя*. Рассмотрим несколько примеров применения данных схем аргументации в современном публичном дипломатическом дискурсе.

Начать стоит с разбора ведущей функции *топоса угрозы* – обнаружить государство-противника и детально обрисовать исходящую от него опасность, изболтать мотивы его правительства.

Отчетливо такой аргументационный шаблон прослеживается во фрагменте выступления Л. Томас-Гринфилд, действующего представителя США в ООН, на заседании Совета безопасности от 31 января 2022 года:

*First, let's be clear about **the facts**. Russia has assembled a massive military force of more than 100,000 troops along Ukraine's border. These are combat forces and special forces prepared to conduct offensive actions into Ukraine. **This is the largest – this is the largest; hear me clearly – mobilization of troops in Europe in decades.** <...> If Russia further invades Ukraine, **none of us** will be able to say we didn't see it coming. And the consequences will be horrific, which is why this meeting is so important today.<...> That is why we have brought this situation before the Security Council today¹.*

---

¹ <https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-briefing-on-ukraine/>

Ключевой посыл текста очевиден и считывается сразу: Россия – это враг. Этот посыл выражен настолько явно, что можно уверенно обозначить цель данного сообщения: обратить внимание всего мира, что Россия несет угрозу безопасности мировому порядку. Употребление данного *топоса* несомненно объясняется мотивировкой говорящего, заключающейся, как можно предполагать (и как, собственно, показывают и все дальнейшие события), в попытке заставить слушающих ожидать атаки со стороны страны-противника и предварительно мобилизовать и нарастить существующие силы через эксплуатацию страха перед опасностью.

Говоря о лингвистических способах реализации *топоса* и достижения поставленной цели, стоит отметить, что в приведенном фрагменте наблюдаются приемы убеждения, традиционно применяемые в дипломатическом общении: преподнесение информации как факта объективной реальности, обращение к цифрам, повторы и обобщения.

Теперь рассмотрим пример употребления *топоса угрозы*, назначением которого становится попытка возложить ответственность за происходящие события на государство-противника. Такой пример можно обнаружить в цитате из пресс-конференции Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, произнесенной в ходе рассуждения, почему вопрос о расширении НАТО приобретает особую актуальность сейчас:

Накопилось. Накопилось за период после 90-х годов, когда дававшиеся обещания о нерасширении НАТО, неподвижении военной инфраструктуры на восток и неразмещении существенных боевых сил на территории новых членов были грубейшим образом выброшены в корзину нашими западными друзьями. Нашему терпению пришел конец. Мы очень терпеливы. Но вы знаете же, что мы долго запрягаем? Вот запрягали мы очень долго, пора нам уже ехать. Вот ждем, когда ямщик на той повозке ответит конкретно на наши предложения².

В этом фрагменте проявляется другая особенность *топоса угрозы* – ориентация на создание негативного образа противника, в данном случае – западных стран. Интересно, что он создается не через нагнетание страха, а через насмешку, которая, с одной стороны, способна разрядить атмосферу пресс-конференции, а с другой, направлена на понижение политического статуса партнера.

Следует особо отметить создание контраста между терпением как ведущим свойством политики РФ и тем, как страны Запада эксплуатируют это терпение. Кроме того, встречается та отсылка ко времени, которая, как мы отметили ранее, важна для заблаговременного оправдания запланированных действий государственного руководства. Речь, из которой взят приведенный фрагмент, была произнесена в январе 2022 года и, предположительно, направлена на подготовку общественности к началу специальной военной операции в феврале того же года.

Приведенный пример можно также дополнить цитатой из брифинга М. Захаровой, директора департамента информации и печати МИД РФ, об итогах саммита НАТО:

Прозвучали уже хорошо известные ритуальные обвинения и угрозы в адрес нашей страны. Опровергать их пункт за пунктом смысла нет. Мероприятие, было видно, проводилось как сеанс внурилатовского самозомбирования³.

---

² https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1794396/#sel=2:7:9aW,2:14:8yD

³ https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1806295/

Нельзя не заметить, как делается акцент на том, что некоторые страны в принципе не способны вести содержательный разговор и все обсуждение возникших проблем – не более чем демагогия, лишь усугубляющая конфликт между странами, что соответствует формуле *топоса угрозы*. Такая позиция тоже передается через насмешку, что точно не может рассматриваться как демонстрация уважения и стремления к сотрудничеству.

Обобщая, можно предположить, что дипломатическая коммуникация, осуществляющаяся в столь резкой тональности, должна была считываться аудиторией как проявление решительного, серьезного подхода российской стороны, готовности решать возникающие международные проблемы без сомнений и церемоний. Однако с точки зрения свойственных дискурсу классической дипломатии речевых и общих этических норм, такую риторику можно назвать провокационной и лишённой такта.

Еще одной иллюстрацией высказанной нами идеи можно назвать следующий фрагмент интервью М. Захаровой:

Простите за эмоции. Уже наболело. Не хотим больше слушать и верить вашим СМИ. Будем отвечать на вопросы. Но с этими «заходами» мириться не намерены. То, что вы делаете, – пропаганда. Была бы она еще в других направлениях. Но вы ее увязываете с пропагандой войны, которую два месяца нагнетали. Это ни в какие ворота не лезет. Потом еще все выворачиваете и виновными делаете невиновных⁴.

Замыслом этого высказывания также было «назначение» виновного – журналистов иностранных изданий, кто излагает точку зрения, альтернативную той, которую предлагает Министерство иностранных дел. Стоит вернуться к озвученной ранее мысли, что современный дискурс дипломатии рассчитан прежде всего на эмоциональную оценку. В этой связи речь дипломата обретает особую драматичность, не свойственную традиционной дипломатии. Помимо разговорного стиля, также не характерного для дипломатии, особо бросается в глаза фраза о нежелании верить западным СМИ: здесь, безусловно, речь идет не просто о слабой аргументации или уклонении от ответа, а о намеренном отказе от обязанности доказывания приводимых фактов, о чем ранее писала Е.И. Шейгал [Шейгал 2000], определяя этот феномен как значимую черту современного политического дискурса, во многом схожего с дискурсом публичной дипломатии.

Далее перейдем к рассмотрению схемы аргументации, ориентированной на изображение «спасителя», и обратим внимание на отрывок из брифинга представителя государственного департамента США Н. Прайса:

Our goal here, even as the Russian invasion of Ukraine is beginning, is to avert the worst-case scenario, the worst-case scenario that we have warned about for some time now. And we have gone into great detail in terms of what that could look like: electronic warfare; the – a fuller-scale invasion, an attack on major urban centers, including Kyiv, a city of 2.9 million people; horrific human rights abuses, atrocities, potential war crimes. These are all things that, even as the invasion is beginning, we are going to do everything that we reasonably can to prevent from happening⁵.

---

⁴ https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/1800470/#4

⁵ <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-february-23-2022/>

Приведенное высказывание, без сомнения, может расцениваться как попытка продемонстрировать дальновидность американского правительства и готовность взять на себя ответственность за всеобщую безопасность и спокойствие в мире. Вполне вероятно, что аудитория увидит в такой позиции собранность и заботу, однако для нас важна основная заложенная в речи идея: представляемая страна находится в лидирующем международном положении, в силу чего может позволить себе контролировать, что происходит в разных точках планеты, и принимать решения за граждан не только своей страны, но многих других, что подтверждает наше предположение.

Кроме того, в данном случае употребление *топоса спасителя* однозначно способствует положительной самопрезентации государства. И, в то же время, в рассмотренный фрагмент вплетен *топос угрозы*, за счет чего создается контраст между одной страной, представляющей опасность, и другой, готовой обеспечить защиту от этой опасности.

Отметим еще один вариант применения *топоса спасителя* в русскоязычном дипломатическом дискурсе – фрагмент выступления Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова от 25 февраля 2022 года:

Мы вынуждены были брать на себя решающую часть снабжения Донбасса гуманитарными грузами. Организовано было более ста гуманитарных колонн, доставлено свыше ста тысяч гуманитарных грузов жителям этого региона: лекарства, другие изделия медицинского назначения, продовольствие, предметы первой необходимости, детские товары и многое другое⁶.

Представляется, что история оказания помощи преподносится как попытка исправить негативные последствия вмешательства других стран и как шаг на пути спасения, совершенный в недавнем прошлом и способный повлиять на восприятие действий руководства государства, увидеть в них нечто гуманное и милосердное, что в общей сложности может служить для улучшения престижа страны.

Резюме

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что среди всех преобразований, которые сегодня фиксируются в дипломатическом дискурсивном пространстве, особенно важными являются те, которые подтверждают изменение принципов работы дипломатии – вместо нацеленности на сглаживание конфликтных ситуаций, мы наблюдаем постоянные попытки демонстрации первенства. Они проявляются в том числе через речевую агрессию, которая заслуженно считается лингвистическим проявлением борьбы за власть [Шейгал 2000].

Дипломатический дискурс как вид институционального дискурса, держится на определенных универсалиях, поэтому аргументация создается по выработанным схемам. Наибольшего внимания заслуживают *топосы угрозы* и *спасителя*, доминирующие в дипломатической коммуникации. *Топос угрозы*, во-первых, нагнетает страх перед неизвестностью, влечет за собой растерянность и, в то же время, вынуждает держать руку на пульсе в ожидании опасности. Во-вторых, он может иметь последствия для страны, которая представляется источником угрозы,

---

⁶ https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1800451/

причем последствия как символические, в первую очередь, ухудшение имиджа страны, так и реальные, например, потеря союзников или экономические санкции. *Топос спасителя*, в свою очередь, направлен на поддержание и улучшение положения страны и заряжает аудиторию надеждой на спасение от опасности.

В завершение отметим, что изменения в таких закрытых типах дискурса, как дипломатический, безусловно, является подтверждением глобальных перемен, значимость которых не может быть подвергнута сомнению. Поэтому рассмотренный нами феномен, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

© Кондакова М.И., 2022

Литература

- Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
- Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
- Бубнова И.А. Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии. Вопросы психолингвистики. 2021. № 4(50). С.38–55. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55.
- Бубнова И.А., Кондакова М.И. Дипломатический дискурс XXI века: что стоит за агрессией в публичной дипломатии? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества. Екатеринбург, 2021. Выпуск 19. С. 5–13. DOI: 10.26170/2411-5827_2021_19_01.
- Бубнова И.А., Терентий Л.М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №1(10). С. 68–75.
- Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2018. 404 с.
- Голованова Д.А. Интердискурсивность дипломатического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: когнитивная и дискурсивная лингвистика. 2014. С. 25–30.
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2017. 238 с.
- Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М.: Академия, 2005. 152 с.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. 650 с.
- Почепцов Г. Г. Семиотика. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2002. 432 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
- Wiethoff W. E. A Machiavellian Paradigm for Diplomatic Communication. Journal of Politics, 1981. №4. P.1090–1104, DOI: 10.2307/2130190.
- Wodak R. The Globalization of Politics in Television. European Journal of Cultural Studies, 2010. № 13(1). P. 43–62, DOI: 10.1177/1367549409352553.
- Zagar I. Z. Topoi in Critical Discourse Analysis. Lodz Papers in Pragmatics, 2010. №6(1). P.3–27, DOI: 10.2478/v10016-010-0002-1.

Сведения об авторе:

Кондакова Мария Ильинична – аспирант кафедры зарубежной филологии
ГАОУ ВО МГПУ

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4

ORCID: 0000-0002-0474-8273

email: kondakovamasha@mail.ru

Для цитирования:

Кондакова М.И. Топос угрозы и топос Спасителя как базовые стратегии аргументации в современном дискурсе дипломатии // Вопросы психолингвистики № 3(53) 2022, С. 161–171, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-161-171

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-161-171

Research article

**TOPOS OF THREAT AND TOPOS OF SAVIOUR
AS BASIC ARGUMENTATION STRATEGIES
IN MODERN DIPLOMATIC DISCOURSE**

Maria I. Kondakova

Moscow City University

Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to investigation of the features and implicit motives of the topos of threat and topos of saviour in the modern public diplomatic discourse. These topos form an argumentation complex that is necessary for achieving the main goals of diplomatic communication – the protection of national interests and the political competition.

It is suggested that the topos of threat and the topos of saviour are a derivative of speech aggression, which has become a significant phenomenon in the diplomatic rhetoric of the XXI century. The article discusses the possibilities of using the discourse historical approach to estimate pervasive potential of topos within the bounds of the psycholinguistic paradigm. The author emphasizes the specific functions of each topos, significant for solving the problems of diplomatic discourse: to exaggerate a danger for international peace and security or to highlight of a state, which is ready to save the world.

The analysis of the speeches of Russian and American diplomats proves that both topos have common features and the established context and are aimed at the achievement of diplomatic goals. Undoubtedly, the tendency to speech aggression in discourse of diplomacy is a significant deviation from traditional diplomatic communication and can be considered as an indicator of the changes in society and political situation. The article concluded that the topos of threat and saviour has the potential to make changes to the recipient's view of the world.

Keywords: diplomatic discourse, speech aggression, argumentation scheme, topos of threat, topos of saviour, political myth, the view of the world

© Kondakova M.I., 2022

Bionotes:

Mariya I. Kondakova – PhD student, Moscow City University, Moscow

Contact information:

2-nd Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226

ORCID: 0000-0002-0474-8273

email: kondakovamasha@mail.ru

For citation:

Kondakova M.I. (2022) Topos of threat and topos of saviour as basic argumentation strategies in modern diplomatic discourse. *Journal of Psycholinguistics*. 3(53) 2022, P. 161–171. Available from doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-161-171 (in Russian)